

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (12)

2015

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2015

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2015

© Журнал «Поволжская археология», 2015

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2015

© Mari State University, 2015

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Очир-Горяева М.А. Дискуссионные проблемы изучения образа жизни и типа хозяйства населения волго-маньчских степей эпохи бронзы4

Чижевский А.А., Лыганов А.В. Исследования памятников эпохи бронзы в приустьевом Закамье52

Лыганов А.В., Чижевский А.А., Валиев Р.Р., Еремин И.О. Погребальные памятники начала позднего бронзового века в приустьевом Закамье83

Смирнов Н.Ю. Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи104

Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Усть-Нечкинские городища в среднем Прикамье на этапе ананьинской культуры (топография, планировка, инвентарь)114

Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми136

Лавенто М., Патрушев В.С. Развитие и хронология текстильной керамики на Средней и Верхней Волге: критический взгляд возможностей хронологии по ¹⁴С-, АМС и типологическому методам160

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин189

Персова С.Г. Деятельность ОАИЭ в Болгарском городище в конце XIX – начале XX вв.268

Кузьминых С.В., Сорокин А.Н. «Ты сторел на полуслове...» (А.С. Смирнов в истории российской археологии)278

Заметки

Шитилов А.В. Культурно-хронологические комплексы IV Мурзихинской стоянки в Нижнем Прикамье313

Измайлов И.Л. Меч раннесарматского времени из Икско-Зайского междуречья326

Список сокращений333

Правила для авторов338

CONTENTS

Research and publications

<i>Ochir-Goryaeva M.A.</i> Research in the Type of Economy and Lifestyle of the Volga-Manych Steppe Population in the Bronze Age: controversial issues	4
<i>Chizhevsky A.A., Lyganov A.V.</i> Investigation of the Bronze Age Sites in the Estuarine trans-Kama River Area	52
<i>Lyganov A.V., Chizhevsky A.A., Valiev R.R., Eremin I.O.</i> Funeral Sites of the Beginning of the Late Bronze Age in the Estuarine Trans-Kama River Area ...	83
<i>Smirnov N.Yu.</i> Arzhan-1 Barrow, the Volga-Kama Region and the Northern Caucasus: unobvious connections	104
<i>Perevozchikova S.A., Chernykh E.M.</i> Ust'-Nechkinskiy Fortified Settlements in the Middle Kama Region During the Ananyino Culture (topography, layout, inventory).....	114
<i>Vasilyeva A.V., Korenyuk S.N., Pereskakov M.L.</i> The Bolgary IX Settlement: a site of the Ananyino Finale in the Vicinity of Perm.....	136
<i>Lavento M., Patrushev V.S.</i> Appearance and Chronology of Textile Ceramics in the Middle and Upper Volga Region. Critical Comparison of Conventional ¹⁴ C-, AMS - and Typological Chronologies.....	160
<i>Vasil'ev D.V.</i> New Data on the City and the Environs of Saksin.....	189
<i>Persova S.G.</i> Activities of the Society for Archaeology, History and Ethnography on Bolgar Hillfort Site in the Late 19 th – Early 20 th Centuries ...	268
<i>Kuzminykh S.V., Sorokin A.N.</i> “You Burned out in Mid-Sentence...” (A.S. Smirnov in the History of Russian Archaeology)	278

Notes

<i>Shipilov A.V.</i> Cultural and Chronological Complexes of the Murzikha IV Site in the Lower Kama River Region.....	313
<i>Izmailov I.L.</i> . Sword of the Early Sarmatian Period from the Ik-Zay Interfluve	326
List of abbreviations	333
Submissions	338

УДК 902

РАЗВИТИЕ И ХРОНОЛОГИЯ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ В СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА УСЛОВНО ПРИНЯТЫЕ ^{14}C -ДАТЫ, АМС-ДАТИРОВАНИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКУЮ ХРОНОЛОГИЮ

© 2015 г. М. Лавенто, В.С. Патрушев

В статье проводится сопоставление возможностей трех методов создания хронологии – традиционного (условно-конвенционного) ^{14}C (радиоуглеродного) метода датирования, АМС-датирования (акселерационной масс-спектрометрии) и т.н. типологической хронологии, применительно к текстильной керамике эпохи поздней бронзы – раннего железа, распространенной в европейской зоне хвойных лесов от Верхней и Средней Волги и Камы до Прибалтики и Скандинавии. Культура текстильной керамики (известной также как «сетчатая», «псевдо сетчатая», «ниточно-рябчатая») часто связывается с финноязычной общностью эпохи бронзы и начала эпохи железа. Самая ранняя дата памятников с текстильной керамикой на Средней Оке – около XVIII в. до н.э. Даты эталонных памятников Среднего Поволжья установлены в пределах XV–VIII вв. до н.э. Сопоставляя эти данные с АМС-хронологией, созданной для материалов Финляндии и Эстонии, авторы приходят к выводу, что появление текстильной керамики – почти синхронное явление для Поволжья и Прибалтики, но хронология ранней традиции текстильной посуды в этих регионах различна. Результаты анализа пока еще небольшого числа АМС-датировок нужно рассматривать лишь как предварительные. Однако АМС-датирование может служить наиболее эффективным инструментом для дальнейшей разработки хронологии текстильной керамики на обширной территории, в том числе и в Поволжье.

Ключевые слова: археология, Верхнее и Среднее Поволжье, Прибалтика, Скандинавия, эпоха бронзы и раннего железа, текстильная керамика, зона хвойных лесов Европы, хронология, ^{14}C -даты, АМС-датирование, типология.

Введение

При обсуждении раннего бронзового века северной зоны хвойных лесов необходимо принимать во внимание керамическое явление, получившее название «текстильная керамика». Эту керамику часто связывают с финно-угорским населением севера России, Фенноскандии и стран Балтии. Подразумевается также, что керамика данного типа обнаруживается в регионе от Верхней Волги и Камы до Скандинавии. Несмотря на пред-

ставление о том, что эта керамика играла важную роль в материальной культуре на протяжении эпохи бронзы, период ее использования простирался во многих районах до раннего железного века. Хотя определение понятия «текстильная керамика» вызывает много вопросов, этот расплывчатый тип до сих пор используется, начиная с 1950-х годов К.Ф. Мейландером (1954a,b), Н.Н. Гуриной (1961), В.С. Патрушевым (1989, 1992в) и М. Лавенто (2001). В России этот вид керамики обычно назывался «сет-

чатой керамикой» (Городцов, 1900), хотя также использовался и термин «текстильная керамика».

Несмотря на трудности в определении керамического типа, целью данной статьи является характеристика абсолютной хронологии текстильной посуды посредством рассмотрения типологии, условно принятых (конвенционных) радиоуглеродных дат и АМС-датирования. Главной целью является представление предварительной АМС-хронологии текстильной керамики с использованием двенадцати образцов и сравнение полученных результатов с ранее созданными хронологическими схемами для Верхней и Средней Волги. Следующий вопрос состоит в том, чтобы выяснить, подходит ли общая хронологическая последовательность данного керамического типа под АМС-хронологию или же между ними существуют расхождения.

Определение типа

С точки зрения российского материала текстильная керамика включает как собственно текстильный или «ниточный», так и сетчатый или «рябчатый» компоненты (Патрушев, 1992). Эти отпечатки на поверхностях сосудов могут быть результатом процесса изготовления керамики с начальной стадии – из глины в готовый сосуд или они могут относиться к какому-то виду орнаментации поверхности сосудов. Хотя отпечатки на поверхности являются наиболее важной характеристикой типа, также должны быть учтены и другие виды орнаментации наряду с формой сосуда. Форма данной керамики характеризуется наличием шейки либо воротничка, а также плоского дна, но также встречаются

круглодонные сосуды и чаши. Примеси в тесте варьируют. В России самые типичные примеси – песок и дресва, в Финляндии в тесто текстильной керамики могли быть примешаны местные минералы, такие как тальк, асбест, сланец либо органика (Lavento, 2001). В большинстве случаев орнамент состоит из горизонтальных рядов ямок (больших и/или малых), наколов, зубчатых отпечатков, а также шнуровых или клиновидных отпечатков. Орнамент сосредотачивается главным образом на верхней части сосудов, что четко отличает их от неолитической посуды, которая обычно орнаментирована от дна до венчика.

Важное наблюдение, касающееся определения типа, заключается в том, что текстильные или псевдо текстильные отпечатки могут быть найдены на многих керамических типах позднего неолита, бронзового или раннего железного века. Однако эти отпечатки не принадлежат типу «текстильной керамики». По этой причине отпечатки на поверхности не могут считаться определяющей характеристикой рассматриваемого типа. Вызывает интерес, что различные виды текстильных либо «текстилеподобных» отпечатков известны почти по всему миру (смотри о дискуссии Lavento, 2001).

Краткая история изучения текстильной керамики европейской северной зоны хвойных лесов

Особые технологические признаки отпечатков на поверхности текстильной («сетчатой») керамики впервые были отмечены В.А. Городцовым еще в начале XX века (1900, 1914). С этого времени данный тип рассматривался, прежде всего, в свете особой техно-

логии. Большинство ученых в России полагали, что текстильные отпечатки на сосудах отражают распространение технологии производства горшков с помощью различных приспособлений, например, клюшки, ткани и т.д. (Семенов, 1955; Loze, 1979; Фоломеев, 1975).

В интерпретации отпечатков иногда допускались натяжки. Например, предполагалось, что эти отпечатки делались с использованием различных частей желудков животных или концов клюшки с сотовой структурой (Бобринский, 1978). Существовали орудия из зубов, из которых иногда могли быть составлены структуры орнамента (Арзютов, 1926; Никитин, 1963; Трубникова, 1952; Фосс, 1947). Также предполагалось, что отпечатки были произведены прокаткой по поверхности сосуда стержня с плетеной тканью или кожей (Городцов, 1900; Бобринский, 1978; Dumpe, 2003). Бытовали многие виды штампов и тканей (Гурина, 1961; Розенфельд, 1974; Халиков, 1962) либо отдельные формы текстиля (Бадер, 1950; Смирнов, 1974; Чернай, 1981).

Были изобретены разные термины – «текстильная», «сетчатая», «ниточно-рябчатая» и «псевдо текстильная», чтобы описать различные отпечатки на поверхности сосудов. В.А. Городцов (1900) разделял текстильный и «оспенно-рытый» типы отпечатков. Б.А. Фоломеев (1975) выделил текстильный и сетчатый типы, используя различные варианты, которые могут быть включены в концепцию «сетчатая» керамика. К.Ф. Мейнандер (1954b) предполагал, что в северо-западной части территории распространения существовал ранний тип, который он назвал кера-

мика «Томица», считая, возможным выделить текстильную керамику Финляндии, вероятно, связанную с подобной культурой Центральной России. С другой стороны, он выделил керамический тип «Сарса», связанный с материалом Эстонии (Meinander 1954a). К.А. Смирнов (1974) рассматривал сетчатую и текстильную керамику как разные группы, первая группа появилась в культуре ямочно-гребенчатой керамики, а вторая – среди позднедьяковского населения. По его гипотезе, можно называть оба типа керамики «сетчатой».

Тем не менее, нельзя утверждать, что эти названия, равно как и термин «псевдо текстильная», отражают характеристики данного типа в достаточной степени (Патрушев, 1989; 1992b; Patrushev, 1992a). На симпозиуме в России в ходе дискуссии о характеристиках данной посуды, использовалась понятие «ниточно-рябчатая» керамика. Керамический материал данного облика, происходящий из почти 240 жилищ, включает свыше 40 тысяч фрагментов керамики (Патрушев, 1989, 1992b; Patrushev, 1992a). Эта керамика также была тщательно изучена на северо-западе России (Косменко, 1996b; Kosmenko, 1996a). Относительно недавно анализы возраста этой керамики были сделаны по материалам Финляндии и Карельского перешейка (Lavento, 2001) и Эстонии (Kriiska A., Lavento, M. & Peets, J. 2005).

Появление текстильной керамики

К решению вопроса текстильной керамики можно подойти не только с технологической или орнаментальной стороны, но также и как к этнической

проблеме. Если принять во внимание вышеупомянутые альтернативные точки зрения, необходимо учесть все типы керамики, подразумевая отпечатки сетей, текстиля или псевдо текстиля на поверхности. Материал такого облика (Lavento, 2001) можно найти в различных частях мира (Сибирь, Дальний Восток, Северная Америка и т.д.).

Если взглянуть на керамику как на тип, который имеет определенную территорию распространения и хронологию, нужно рассматривать ее как технологическую инновацию на широкой территории – не только в России и восточной части Скандинавии. В конечном счете, это нашло большее или меньшее отражение в культуре, принадлежащей финно-угорскому населению (Патрушев, 1989, 2000).

Использование текстиля, сети или других отпечатков в качестве маркеров для выявления этнических групп, очевидно, проблематично. Концентрируясь на распространении этой технологии по северной зоне хвойных лесов в России и Скандинавии, можно не только сосредотачиваться на отпечатках, но учитывать также все возможные наблюдения над формой и орнаментацией керамики. В этом случае (Patrushev, 1992a) можно подойти к данной керамике как к новому феномену в бронзовом веке. Более того, при использовании идеи, предложенные Дэвидом Кларком (1968), этот феномен может быть рассмотрен как комплекс культур (5–30% общих признаков), культура (подразумевается 30–65% общих признаков) или локальный вариант (65–100% общих признаков). Статистический анализ признаков керамики, найденной на рассматриваемой территории, соот-

ветствует культуре. Если принять это определение – наряду с другими археологическими и лингвистическими свидетельствами – можно предположить, что оно отражает этнические связи на данной территории в бронзовом веке. Если рассматривать не только керамику, кажется естественным, что, несмотря на большие расстояния, могли осуществляться контакты между людьми, приобретающими металл либо обменивающимися другими ценностями на этой обширной территории.

На этой территории существовали несколько локальных культур, которые по-прежнему контактировали друг с другом. Наличие поселений с текстильной керамикой на Верхней и Средней Волге, таких как Плещеево Озеро в Ярославской области, четко указывает на общность материальной культуры. Однако, в материалах из локальных территорий можно заметить множество различий. Например, на территории распространения приказанской керамики бытуют ниточно-рябчатые отпечатки, которые смешиваются на разных частях сосудов – верхних и нижних (рис. 1). Это особенно типично для керамики восточной части территории распространения приказанской керамики – Татарстана и Марий-Эл. Жемчужный орнамент, обычный для керамики из поселений Сосновая Грива в устье р. Кокшага, является примером частных, локальных особенностей орнамента.

Также и некоторые другие частные признаки, которые можно найти в ниточно-рябчатой керамике из Татарстана и Марий-Эл, такие как длинная шейка сосуда, являются локальными. На этой территории также обычна

раковина в примеси к тесту. В материалах из Татарстана, Марий-Эл и Чувашии зачастую трудно отличить ниточно-рябчатую керамику от приказанской. В этой регионе в поздняяковской керамике имеются признаки – в дополнение к жемчужинам и ямкам, оттиснутым на внутренней стороне сосуда – которые являются особенностями орнаментации (рис. 2,3).

Наряду со всеми этими особыми чертами существуют многие другие, которые связывают локальные группы керамики и, следовательно, также и население, жившее на широкой территории от реки Камы до Балтийского моря. На этой обширной территории проживало несколько групп населения с текстильной керамикой – на Верхней и Средней Волге, в некоторых частях Прибалтики, в Карелии и, возможно, в Финляндии (Патрушев, 1992а, 2000). Очевидно, все они свободно контактировали друг с другом и с другими группами, представлявшими различные культуры, которые не пользовались текстильной керамикой. Это, естественно, приводило в разных районах к развитию собственных локальных вариаций. Необходимо также иметь в виду хронологическую последовательность, рассматривая, в частности, ранние стадии развития текстильной посуды. На Волге наиболее важными были контакты между ахмыловской, поздняяковской и городецкой культурами.

На территории стран Балтии и Скандинавии можно проследить контакты, имевшие место между группами носителей поздненеолитических типов керамики – гребенчатой, шнуровой и Абора (Лозе, 1979; Граудонис, 1967; Lougas, 1967; Meinander, 1954a,b; Moora, 1958; Третьяков,

1984; Янитс, 1959; Lavento, 2001; Васкс, 1991). В восточной части территории зачастую предполагается, что текстильная керамика явилась результатом миграции лишь в небольшом масштабе (смотри дискуссию в Lavento, 2001), хотя, по крайней мере, в странах Балтии, Скандинавии и Финляндии иные объяснения представляются более вероятными (Jaanusson, 1985; Kriiska et al., 2005).

Происхождение текстильной керамики в зоне хвойных лесов России, Прибалтики и Финляндии

В России необходимо искать корни текстильной керамики на широкой площади, примыкающей к Волге между рекой Камой и Ивановской и Владимирской областями. Согласно Д.А. Крайнову (1987) и С.А. Семенову (1955), предположение о распространении сетчатых отпечатков действительно только на северо-западе этой территории и также частично на Верхней Волге в регионе Ярославля. Д.А. Крайнов и О.С. Гадзяцкая (1987) полагают, что фатьяновская керамика на самом позднем этапе обладает общими с текстильной посудой элементами. Имеются также некоторые свидетельства в том, что шнуровая керамика могла влиять на развитие текстильной посуды. В Прибалтике Я.Я. Граудонис (1967) предполагал, что антропологические данные отражают процесс влияния культуры боевых топоров на развитие данного типа керамики (Денисов, 1973).

Некоторые ученые усматривали истоки текстильной керамики в ямочно-гребенчатой посуде (Брюсов, 1950; Гаврилова, 1968; Гурина, 1963; Фосс,

1947). Также были археологи, считавшие, что разделение ямочно-гребенчатой посуды и текстильной керамики должно было, по всей вероятности, происходить в Прибалтике (Третьяков, 1966; Семенов, 1982). Ф.А. Лозе (1979) рассматривал в качестве наиболее вероятного источника формирования текстильной керамики влияние керамики абора, относящейся в Латвии к поздней ямочно-гребенчатой посуде. С другой стороны, А.В. Васк (1991) полагает, что множество различий между этими типами не позволяет ссылаться на генетическую связь между ними.

И.А. Гаврилова (1968), рассматривавшая ямочно-гребенчатую посуду как основной компонент текстильной керамики, считала возможным предполагать источник последней в разных вариантах фатьяновской и поздняяковской культур. О.Н. Бадер, Н.Н. Гурина и П.Н. Третьяков имели сходные взгляды. Они соглашались, что этот тип керамики развился на территории между рекой Камой и Финляндией и что он демонстрирует определенный вид культурной и этнической интеграции финно-угорских групп на Верхней Волге и в Прибалтике (Третьяков, 1966). Развитие культурных взаимоотношений могло начаться в результате контактов между народами, использующими либо ямочно-гребенчатую, либо фатьяновскую керамику (Брюсов, 1950; Гаврилова, 1968; Крайнов, 1987; Патрушев, 1989; Patrushev, 2000).

С.В. Ошибкина (1987) полагает, что керамика данного вида появилась впервые на восточной стороне Онежского озера. Главным аргументом, по ее мнению, служит генетическая связь

текстильной керамики и материалов, найденных в поздненеолитических стоянках Карелии. М.Г. Косменко считает, что истоки текстильной посуды лежат в керамике фатьяновской, ямочно-гребенчатой и поздняяковской культур (Kosmenko, 1996a, Косменко, 1996b).

Авторы настоящей статьи учитывают, что вопрос о происхождении крайне сложен. Также хорошо бы принять во внимание, что ямочная и гребенчатая орнаментация, которая использовалась в посуде ямочно-гребенчатого типа, прослеживается в текстильной посуде, несмотря на то, что первая использовалась более мелким и плотным образом. Также отчасти разнятся примеси в тесте и формы сосудов, и текстильные отпечатки как новый элемент на поверхности.

Авторы предполагают в предварительном плане, что происхождение текстильной керамики в северной зоне хвойных лесов на территории России не должно было выглядеть только как распространение влияния, происходящего из одного центра в Центральной России и разошедшегося оттуда волнообразно до Прибалтики и некоторых частей Фенноскандии. Некоторые элементы орнаментации – ямки, изогнутые отпечатки, прочерченные полосы, а также хаотичные отпечатки шнура, сделанные палочкой, обвитой шнуром – известны уже из более ранних типов керамики вот многих культурах на этой территории. Есть также сетчатая посуда устоявшейся формы – чашевидные сосуды с горизонтальными и вертикальными прочерченными полосами. Также гребенчатые штампы, клиновидные отпечатки, изогнутые и овальные от-

печатки и сглаженные ямки сходны с использовавшимися в культурах развитого этапа позднего неолита.

Периодизация и хронология текстильной керамики Верхнего и Среднего Поволжья

Именно в Верхнем и Среднем Поволжье развитие текстильной керамики с наибольшей вероятностью могло быть связано с поздней приказанской и поздняяковской культурами. Поселенческие комплексы, найденные на территории поздняяковской культуры, обычно датируются временным промежутком XV–XIV вв. до н.э. (Попова, 1985). А.Л. Никитин (1963) датировал появление текстильной посуды на данной территории второй половиной II тыс. до н.э. Затем О.Н. Бадер и Т.В. Попова (1987) полагали, что погребения с текстильной керамикой относятся ко второму периоду поздняяковской культуры – около XIV–XIII вв. до н.э., по их данным. Поселение Плещеево III в Ярославской области, материал которого содержит целых 90 % текстильной керамики, имеет период бытования между IX и VII вв. до н.э. (Фоломеев, 1975). Важная дополнительная информация по хронологии была получена из региона вокруг р. Ока (Поочье), где текстильная керамика предположительно датирована XI–IX вв. до н.э. (Фоломеев, 1993). Там рассматриваемый процесс, вероятно, происходил в конце XI века, когда текстильная керамика ассимилировала поздняяковскую.

Радиоуглеродная хронология для текстильной керамики из поселений представляет собой проблему, которая нуждается в дальнейшем анализе. На самом деле эта хронология вызывает

вопросы в изучении памятников северной зоны хвойных лесов. Проследить появление и развитие данного типа керамики и его возможное распространение – трудная задача не только из-за смешения с посудой других керамических типов на поселенческих памятниках, но также и вследствие того, что невозможно однозначно отделить текстильную посуду от других типов керамики – на основе собственно текстильных отпечатков или же отпечатков, близких к текстильным. На многих территориях имеется лишь несколько ¹⁴C-датировок, пригодных в отношении текстильной керамики (Фоломеев, 1993; Lavento, 2001; Kriiska et al., 2005). В России радиоуглеродные даты, которые можно более-менее надежно связать с текстильной посудой, были сделаны по 40 образцам, причем, 38 из них были сделаны в Институте геологии РАН и два – в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (ЛОИА). Таблица дат, составленная Л.Д. Сулержицким и Б.А. Фоломеевым (1993, табл. 2), показывает, что наиболее ранние датировки в Поочье были получены из района Мещерского озера – 16 дат (Шагара 5, Тюков Городок, Деевское городище). Из памятников, расположенных в долине р. Ока (Гришинский Исток 3, Березовый Рог, Городецкое городище), получены 14 дат, а из памятников долины правого притока Оки – р. Проня (Шишкинское городище) – 4 даты. Эти поселения были раскопаны Б.А. Фоломеевым в 1985–1990 гг.

Радиоуглеродная хронология, базирующаяся на контекстных датах для текстильной керамики из могильников на Средней Волге, позволяет предполагать, что самая ранняя посуда

появилась уже около XVIII в. до н.э. Текстильная керамика из комплекса Фёфёлов Бор датируется XV–XIII вв. до н.э. В отмеченных выше примерах памятники содержат керамические признаки, которые демонстрируют их принадлежность к раннему этапу текстильной посуды. В их хронологии все свидетельствует о первой половине II тысячелетия до н.э. Период между второй половиной II тыс. до н.э. и третьей четвертью I тыс. н.э. представляет собой развитый период бытования данного типа (Сулержицкий, Фоломеев, 1993).

Предварительная АМС-хронология текстильной керамики в Среднем Поволжье

Обычный способ использования ^{14}C -метода – датировать контекст нахождения археологических объектов, например, фрагментов керамики. В этом подходе принято в качестве необходимого условия, что фрагмент и контекст его нахождения синхронны. Однако общей проблемой является то, что пост-депозиционные процессы влияют на состояние рассматриваемых слоев, другими словами, вовсе необязательно, чтобы фрагмент керамики и его интерпретируемый контекст были синхронны. Вдобавок, радиоуглеродная хронология должна быть калибрована до того, когда она будет сравниваться с календарной, основанной на солнечном годе. Вполне нормально, что в обоих случаях даты будут древнее, чем даты, полученные только с помощью ^{14}C анализа.

Радиоуглеродный метод может, однако, быть применен для датирования керамического материала самого по себе, с помощью акселерационной

масс-спектрометрии (АМС). Преимущество данного метода заключается в том, что для датирования достаточен очень маленький образец (20–50 мг угля). Это делает фрагменты керамики пригодными для разработки более точной хронологии, чем ранее. Стало возможно получить материал для анализов ввиду того, что некоторые фрагменты содержат на своей поверхности сажу или углистый нагар. В силу того, что обычно анализируемая керамика укладывается в типологические классы, собственно типология может быть усовершенствована с использованием АМС-метода.

В таблице 1 представлена предварительная калиброванная хронология, составленная на основе анализа 12 фрагментов керамики, найденных, в основном, в Среднем Поволжье, в частности на поселениях в Республике Марий-Эл. Все керамические обломки, использованные для анализа, представленные текстильной керамикой, были взяты из археологического музея Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола). В дополнение к задаче проверки хронологии текстильной керамики на Средней Волге в исследовании была поставлена еще одна – сравнить полученную предварительную хронологию с АМС-хронологией текстильной керамики, разработанной ранее в Финляндии (Lavento, 2001) и Эстонии (Kriiska et al., 2005).

Все АМС-датировки были получены в Лаборатории датирования в университете города Хельсинки (Финляндия), возглавляемой профессором Хогне Юнгнером. Результаты были калиброваны посредством программы OxCal 5.1, калиброванные результаты были получены по **2 σ** -вероятностному

уровню. Это означает, что вероятность датировки находится в заданном калибровочном интервале 95.4 %. В таблице 1 даются только самый ранний и самый молодой пределы калиброванного результата.

Самые ранние датировки для текстильной керамики Верхнего и Среднего Поволжья были получены из черепков, найденных на поселении Нармус (Владимирская область), а также на поселениях Кокшайское 4 и База Отдыха 2 (Республика Марий-Эл) (рис. 2). Даты, отражающие самый конец хронологического ряда, получены с городищ Костромской области и республики Марий Эл, они хорошо соответствуют предшествующим предположениям. Сравнение типологической и условно-конвенционной ¹⁴C-хронологии с АМС-датированием не дало неожиданных результатов. Все же, можно заметить несколько интересных деталей. Оказалось, что те фрагменты, которые с точки зрения типологии представляют ранний этап текстильной керамики, оказались даже более ранними, чем предполагалось. Также и те фрагменты из городищ, которые предположительно считались более поздними, оказались более молодыми. Другими словами, АМС-хронология вместе с калибровкой, по-видимому, продляют хронологический ряд текстильной посуды на рассматриваемой территории. Те образцы, которые относятся к середине типологической последовательности, дополненной и уточненной с помощью условно-конвенционального ¹⁴C-датирования, очень хорошо согласуются со своими предположительными возрастными интервалами. По причине того, что число АМС-датировок сравнительно мало, следует воздер-

жаться от создания далеко идущих интерпретаций на основе этих результатов. Наверное, можно усмотреть, что появление текстильной керамики началось уже в XIX веке cal BC. Гораздо труднее комментировать самые молодые АМС-датировки потому, что на основании типологии «конец» типа гораздо труднее определить, чем его начало. Текстильный тип развивается и изменяется, а в финале он сливается с керамикой дьяковской культуры.

Данная хронология становится куда более интересной, если ее сравнивать с АМС-хронологией, созданной для материалов Финляндии и Эстонии. Предполагалось (см. дискуссию Lavento, 2001), что текстильная керамика в восточной Финляндии представляет собой волну новой традиции с востока, возможно, даже с Верхнего Поволжья. Наиболее ранние датировки, полученные для текстильной керамики в Финляндии (Lavento, 2001, fig. 6.11), почти синхронны с датами, представленными в таблице 1. В свете этой информации можно выдвинуть гипотезу о том, что распространение ранней текстильной посуды – если допустить, что один из центров распространения находился в Верхнем Поволжье – было очень быстрым процессом. С точки зрения финской археологии, кажется очевидным, что начало бронзового века было очень ярким явлением, которое не только включало в себя смену типа керамики, но также означало другие изменения в материальной культуре, относящиеся к сейминскому (-турбинскому) феномену. Этот феномен привнес в Финляндию самые ранние топоры вместе с очевидными изменениями в структуре поселений. Крупные стоянки с жилищными впадинами уступили ме-

сто малым – в сущности, стоянкам без видимых жилищных структур. Это было интерпретировано как изменения также и в социальной структуре населения (Lavento, 2001).

АМС-хронология текстильной керамики Эстонии также имеет особый интерес, если сравнивать эти результаты с хронологическими данными, полученными в Среднем и Верхнем Поволжье. Самые ранние даты происходят из многослойных поселений Лоона, Акали и Кулламяги. Нужно помнить, что уже Л. Яанитс (1959) полагал, что ранняя текстильная посуда на стоянках Акали и Кулламяги очень рано была связана с текстильной посудой Верхнего и Среднего Поволжья. Новые АМС-датировки не только подтверждают эту гипотезу, но также отодвигают эту хронологию почти на 1000 лет глубже, чем думал исследователь (Kriiska et al., 2005). Наиболее вероятным объяснением этого служит предположение, что ранняя текстильная посуда в Эстонии принадлежит другой традиции, чем керамика, найденная в Верхнем и Среднем Поволжье. Такая возможность дискутировалась с 1930-х годов (Äugärää 1933; Meinander 1954b; Carpelan 1999; Lavento 2001). Интересный вопрос о возможном влиянии этой традиции на традицию, развивавшуюся на Верхней и Средней Волге, в данной статье остается открытым. Здесь достаточно будет сказать, что текстильная традиция, по-видимому, возникает также в Поволжье и что в свете имеющейся информации ее появление здесь кажется явно более поздним, чем на территории стран Прибалтики.

Заключение

Настоящая статья была сосредоточена на том, чтобы исследовать, могут ли современные хронологии использоваться применительно к текстильной посуде Верхнего и Среднего Поволжья согласованно с хронологией, предложенной на базе АМС-датирования керамики. Анализ деталей позволяет раскрыть некоторые интересные наблюдения. АМС-датирование, видимо, удлинит продолжительность возраста керамики на несколько столетий. Наиболее ранняя текстильная посуда могла появиться в Верхнем и Среднем Поволжье в XIX веке *cal BC*, что существенно ранее, чем думалось прежде. Эти результаты хорошо подходят к хронологическим данным, полученным по текстильной посуде из восточной и северной Финляндии. Появление этой керамики – почти синхронное явление на этих двух территориях, но АМС-датирование наглядно показывает, что хронология для ранней традиции текстильной посуды в Прибалтике не соответствует хронологии, разработанной для Поволжья. Если бы мы предположили, что текстильная посуда распространилась в Финляндии из Поволжья, в свете АМС-датирования представляется, что этот процесс был слишком быстрым. Пока еще нужно быть осторожными с малым количеством дат, полученных до сих пор. Результаты должны рассматриваться как примерные или предварительные и требуется гораздо больше данных для обсуждения вопроса на серьезном уровне.

В свете результатов, представленных в статье, АМС-датирование, по-видимому, является более подхо-

дящим инструментом для совершенствования хронологии текстильной керамики также и в Поволжье. Поэтому мы надеемся, что можно будет продолжить программу датирования, и не только применительно к фрагментам текстильной посуды, но также и

к другим типам керамики. Это может позволить сравнивать их друг с другом – и затем выдвигать более надежные гипотезы о культурных контактах между разными традициями и группами населения на просторах северной зоны хвойных лесов.

Таблица 1.

Предварительная АМС-хронология текстильной керамики Верхнего и Среднего Поволжья

Памятники	Hela	AMS	AMS ±	2σ cal BC	типология
Нармус поселение	934	3450	3450 ± 50	1885 – 1667	XIV–XIII вв. до н.э.
Кокшайское поселение	933	3315	3315 ± 50	1737 – 1494	XII–XI вв. до н.э.
База Отдыха 2 поселение	937	3310	3310 ± 60	1739 – 1454	XIII–XII вв. до н.э.
Кокшайское поселение	935	3030	3030 ± 50	1411 – 1129	XII–XI вв. до н.э.
База Отдыха 2 поселение	940	3005	3005 ± 55	1407 – 1056	XIII–XII вв. до н.э..
База Отдыха 2 поселение	936	2995	2995 ± 45	1390 – 1058	XIII–XII вв. до н.э.
Малахайское городище и поселение	983	2910	2910 ± 35	1257 – 1003	VII–VI вв. до н.э.
Козьмодемьянское поселение	939	2890	2890 ± 35	1210 – 942	IX–VIII вв. до н.э.
Ахмыловское поселение	932	2880	2880 ± 45	1211 – 925	XI–IX вв. до н.э.
Минское городище	982	2775	2775 ± 35	1005 – 836	VII–V вв. до н.э.
Ардинское городище	938	2705	2705 ± 40	924 – 801	VII–VI вв. до н.э.
Сосновая Грива 2 поселение	941	2535	2535 ± 45	802 – 519	XII–X вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арзютов Н.К.* К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // Труды Нижневолжского научного общества краеведения. – Вып. 35. – Часть 1. – Саратов, 1926. – С. 79–84.
2. *Бадер О.Н.* Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. – Молотов: Областное государственное издательство, 1950. – 120 с.
3. *Бадер О.Н., Попова Т.Б.* Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. Москва: Наука, 1987. – С. 131–136.
4. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – Москва: Наука, 1978. – 275 с.
5. *Брюсов А.Я.* “Сетчатая” керамика // СА. – Т. XIV. – М., 1950. – С. 287–305.
6. *Васкс А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. – Рига: Зинатне, 1991. – 198 с.
7. *Гаврилова И.В.* Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Ленинград, 1968. – 24 с.
8. *Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине реки Ока в 1897 г. // Древности. – Т. XVII. – М., 1900. – С. 26
9. *Городцов В.А.* О находке близ станции Сейма Московско-Нижегородской железной дороги // Древности. – Т. XXIV. – М., 1914. – С. 6–169.
10. *Граудонис Я.Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. – Рига, 1967. – 164 с.
11. *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / МИА. – № 87. – М.: Наука, 1961. – 588 с.
12. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы раннего железа в Костромском Поволжье (По материалам Горьковской экспедиции) // МИА. – № 110. – М.: Наука, 1963. – С. 85–204.
13. *Денисов В.П.* Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железа в Среднем Прикамье // Учёные записки Пермского государственного университета. – Вып. 191. – Пермь, 1968. – С. 48–71.
14. *Косменко М.Г.* Культура сетчатой керамики // Археология Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996а – С. 185–215.
15. *Косменко М.Г.* Культура с керамикой «арктического» типа // Археология Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996б. – С. 253–257.
16. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. Москва: Наука, 1987. – С. 10–28.
17. *Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. – Москва: Наука, 1987. – С. 58–76.
18. *Лозе И.А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. – Рига: Зинатне, 1979. – 204 с.
19. *Никитин А.Л.* Дикариха (По материалам раскопок 1959–1960 гг.) // МИА – № 110. – М.: Наука, 1963. – С. 204–226.
20. *Ошибкина С.В.* Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. – Москва: Наука, 1987. – С. 147–156.
21. *Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. – 124 с.
22. *Патрушев В.С.* Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X–VI вв. до н.э.). Автореф... дисс. на соискание уч. степени д-ра ист. н-к. – Ленинград, 1990. – 30 с.
23. *Патрушев В.С.* Финно-угры России. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. – 216 с.

24. Попова Т.Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки поздняяковской культуры на Средней Оке // Труды ГИМ. – Вып. 60. – М., 1985. – С. 133–187.

25. Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. – Москва: Наука, 1974. – С. 90–197.

26. Семенов В.А. О некоторых культурных компонентах в этногенезе финно-угров // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. – Пермь: Пермский университет, 1982. – С. 32–40.

27. Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. – Вып. LVII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 137–144.

28. Смирнов К.А. Дьяковская культура. Материальная культура городищ между-речья Оки и Волги // Дьяковская культура. – Москва: Наука, 1974. – С. 77–78.

29. Сулержицкий Л.Д., Фоломеев, Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. – Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1993. – С. 42–55.

30. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. – М.: Наука, 1966. – 306 с.

31. Третьяков В.П. О возникновении сетчатой керамики в восточной Прибалтике. // Памятники эпохи бронзы / КСИИМК. – Вып. 161. – М.: Наука, 1980. – С. 62–67.

32. Трубинова Н.В. О технике нанесения узоров на посуду городищ и дьяковских городищ // КСИИМК. – № XLVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 125–129.

33. Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. – 1975. – № 1. – С. 154–170.

34. Фоломеев Б.А. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. – Рязань, 1993. – С. 3–21

35. Фосс М.Е. 1947: Новые памятники в районе галичской культуры // КСИИМК. – № XVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 61–69.

36. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. – Том II. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1962. – С. 7–187.

37. Черная И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. – 1981. – № 4. – С. 70–86.

38. Янитс Л.О. Поселения эпохи неолита и раннего металла в устье р. Эмайыги. – Таллинн, 1959. – 382 с.

39. Äyräpää A. Über die Streitaxtkulturen in Russland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1933, vol. VIII, pp. 1–159.

40. Carpelan C. Käänekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100-1000 eKr. In: *Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan* (toim. Paul Fogelberg). *Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk*. Helsinki: Finska Vetenskaps-Societeten, 1999, no. 153, pp. 249–280.

41. Clarke D.L. *Analytical Archaeology*. London: Methuen & amp, 1968, 684 p.

42. Dumpe B. Jauni atzinumi par neolita klājosās auklas keramiku. In: *Arheologija un etnografija*. Riga, 2003, no. XXL, pp. 110–117.

43. Jaanusson H. Main Early Bronze Age pottery provinces in the northern Baltic region. In: *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia*, 1985, no. I, pp. 39–50.

44. Kosmenko. M. The Culture of Bronze Age Net Ware in Karelia. In: *Fennoscandia Arhaeologica*, 1996, no. XIII, pp. 51–67.

45. Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: nine variations and fugue on a theme of C.F. Meinander. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Helsinki, 2001, no. 109, 410 p.

46. Lõugas V. Asva linnuse dateerimisest. In: *Eesti NSV Teaduste Akademia toimetised. Uhisloppeteadused* [Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки]. Tallinn, 1967, no. 1, pp. 81–93.

47. Kriiska A., Lavento, M. & Peets, J. New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation. In: *Estonian Journal of Archaeology*, 2005, vol. 9, no. 1, pp. 3–31.

48. Meinander C.F. Die Kiukaiskultur. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Helsinki, 1954a, no. 53.

49. Meinander C.F. Die Bronzezeit Finnlands. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakmskirja*. Helsinki, 1954b, no. 54.

50. Moora H. Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakmskirja*. Helsinki, 1958, no. 59:3, pp. 3–39.

51. Patrushev V.S. Textile-impressed pottery in Russia. In: *Fennoscandia Arhaeologica*, 1992, no. IX, pp. 43–56.

52. Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. In: *Studia archaeologica Fenno-Ugrica*. Oulu, 2000, no I, pp. 77–88, 100–111, Table 3.

Информация об авторах:

Лавенто Мика Тапио, доктор философии, профессор, Университет Хельсинки (г. Хельсинки, Финляндия); mika.lavento@helsinki.fi

Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); valpatr92@gmail.com

Рис. 1. Очертания жилища 3 поселения Сосновая Грива в ходе раскопок Российско-Финской археологической экспедиции Марийского государственного университета в 1993 г. Фото М. Лавенто.

Fig. 1. Outline of dwelling 3 on the Sosnovaya Griva settlement, uncovered by the Russian-Finnish archaeological expedition by Mari State University in 1993. Photo by M. Lavento.

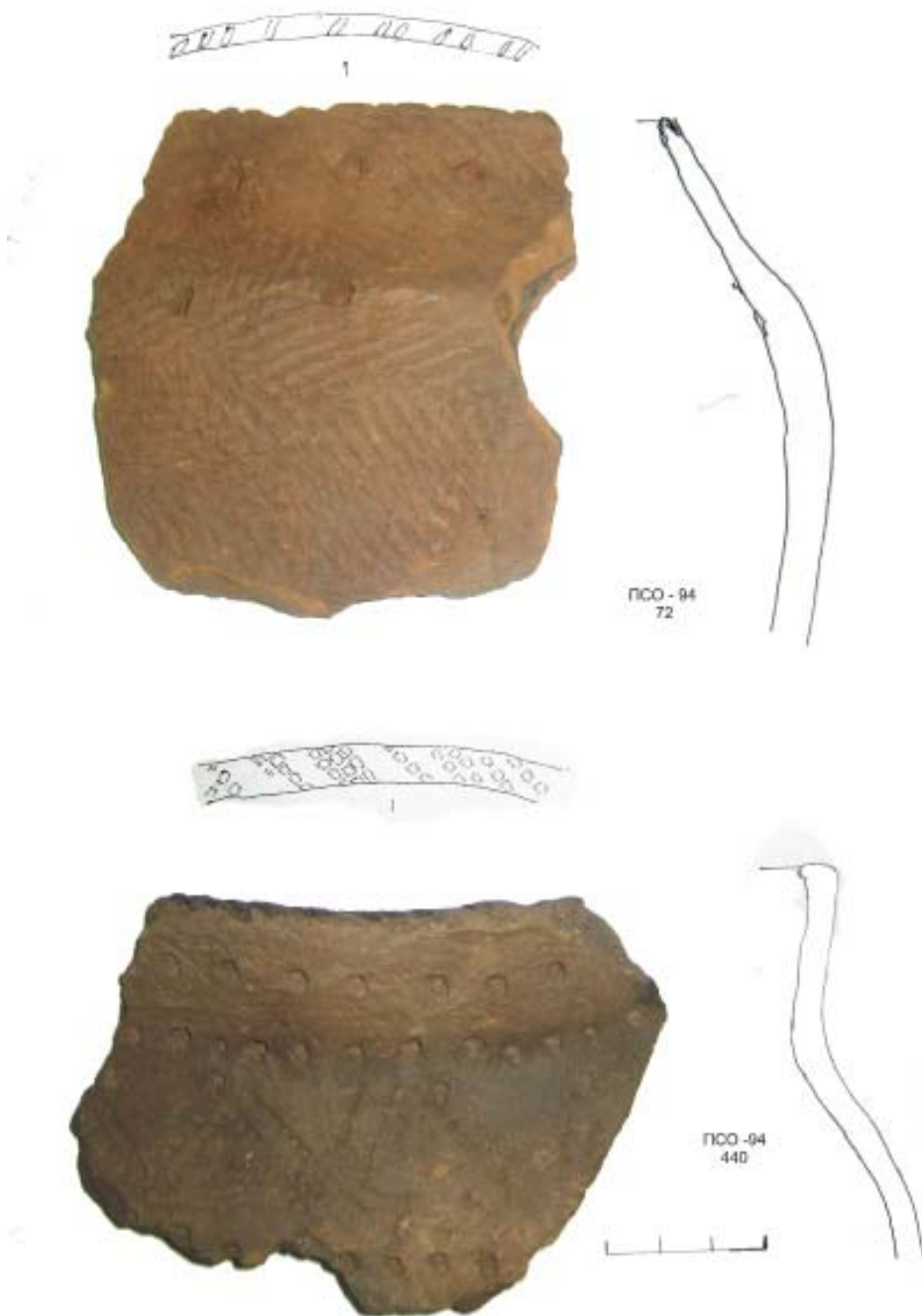

Рис. 2. Текстильная керамика Поселения База Отдыха 2 из раскопок Российско-Финской археологической экспедиции Марийского государственного университета в 1994 г.

Fig 2. Textile ceramic of the settlement Baza Otdykha 2 from the excavation of the Russian-Finnish archaeological expedition of the Mari State University in 1994

APPEARANCE AND CHRONOLOGY OF TEXTILE CERAMICS IN THE MIDDLE AND UPPER VOLGA REGION. CRITICAL COMPARISON OF CONVENTIONAL ¹⁴C-, AMS- AND TYPOLOGICAL CHRONOLOGIES

M. Lavento, V.S. Patrushev

The article offers a comparison of three different methods of chronology construction – conventional ¹⁴C (radiocarbon) dating, AMS (accelerator mass-spectrometry) dating and the so called typological chronology – to date the textile ceramics of the Bronze – Early Iron Age in the Northern Coniferous Zone of Europe, from the Upper and Middle Volga and Kama Rivers to the Baltic region and Scandinavia. The Textile Ceramics Culture (also known as “Net”, “Pseudo-textile”, “Spun-and-speckled”) is often associated with a Finnish-speaking community from the Bronze – beginning of the Iron Age. The earliest date of the Textile Ceramics sites on the Middle Oka River is presumably considered to be the 18th century BC. Datings of the reference sites in the Middle Volga region were fixed within the 15th – 8th centuries BC. Comparing these data with the AMS chronology available for the materials from Finland and Estonia, the authors conclude that appearance of the Textile Ceramics was almost synchronous in the Volga and the Baltic regions, although chronology of the early tradition of the Textile Ceramics seems to be different in these areas. The results of yet a small number of AMS dates should be treated only as preliminary. However, AMS-dating seems to be the most efficient tool for further refining of the Textile Ceramics chronology over a vast territory, including in the Volga region.

Keywords: archaeology, the Upper and Middle Volga region, the Baltic region, Scandinavia, the Bronze and the early Iron Age, Textile Ceramics, Northern Coniferous Zone of Europe, chronology, ¹⁴C-dates, AMS-dating, typology.

Introduction

When discussing the Early Bronze Age in the Northern Coniferous Zone it is also necessary to take into consideration a ceramic entity called “Textile pottery”. This ceramics has often been connected with Finno-Ugric populations living in Northern Russia, Fennoscandia and the Baltic countries. It is also usually assumed that this kind of ceramics is found in the region between the rivers Kama and the Upper Volga through to Scandinavia. Although this ceramics seems to have played an important role in the material culture particularly during the Bronze Age, its using period continued in many areas until the Early Iron Age. Although the definition of the

concept “Textile pottery” implies many problems, it has still been used for a loosely defined type since the 1950’s by C.F. Meinander (1954a,b), N.N. Gurina (1961), V.S. Patrushev (1989, 1992b) and M. Lavento (2001). In Russia this kind of ceramics has usually been called “setchataya keramika” (Gorodtsov 1900) although the term “textilnaya keramika” has also been in use.

Despite difficulties in defining the type, the objective of this article is to characterize the absolute chronology for Textile pottery by looking at typological, conventional ¹⁴C- and AMS-datings. The principal aim is to present a tentative AMS-chronology for Textile pottery us-

ing twelve samples and to compare the results obtained with earlier chronologies in the Upper and Middle Volga area. The question then is to find out whether the general ceramic chronology for the type fits the AMS-chronology or if there are discrepancies between them instead. In addition, comparisons are made with the results obtained from the Textile pottery in Finland and in Estonia. This is made in order to discuss the origin of the pottery and the characteristics of the type in general.

Definition of the type

From the viewpoint of Russian material Textile ceramics implies either textile or fabric and net or speckled components (Patrushev, 1992a). These impressions on the surfaces of vessels may belong to the process of making ceramics from the beginning – from clay to pot – into a ready-made vessel or they may refer to some kind of ornamentation made on the surface of vessels. Although surface impressions are the most important characteristics of the type, also other kinds of ornamentation – together with the shape of pots – have to be taken into account. Shape is characterized by a neck or a collar with a flat bottom, but there exist also bowls and vessels with a round bottom. Tempers are various. In Russia the most typical tempers are sand and crushed stone, in Finland Textile ceramics may be tempered with various local minerals such as talc, asbestos and schist minerals and organic material (Lavento, 2001). In most cases ornamentation is horizontal including large and/or small pits, embossed pits, tooth impressions and corded and wedge-like impressions. Ornamentation is concentrated mainly on the upper part of the pots, which often discerns them clearly from Neolithic

pottery, which is usually ornamented from the bottom to the rim.

An essential observation regarding the definition of the type is that textile or «pseudo»-textile impressions can be found in many Late Neolithic, Bronze Age and Early Iron Age ceramic types, which, however, do not belong to the type “Textile pottery”. For this reason one should not consider the surface impressions as a definitive characteristic of the type. Interestingly, different kinds of textile or “textile-like” impressions are known almost everywhere in the world (Lavento, 2001).

Short research history of Textile ceramics in the Northern Coniferous Zone of Europe

The special technological feature or surface impression on Textile («сетчатая») pottery was first noticed by V.A. Gorodtsov already in the beginning of the XX century (1900, 1914). Since this time the type was seen first of all in the light of special technology. Most scholars in Russia thought that textile impressions on vessels reflected the spreading of technology to make pots with the help of different kinds of implements, for instance, club, cloth etc. (Semenov 1955; Loze 1979; Folomeev 1975).

When interpreting sometimes stretches were made. These impressions were made, for instance, using different parts of an animal's stomach or the end of a club with a honeycomb-like structure (Bobrinskij, 1978). There exist tooth implements which may sometimes be multiple in their structure (Arzjutov, 1926; Nikitin, 1963; Trubnikova, 1952; Foss, 1947). It has also been suggested that impressions were produced by roll-

ing a stick with corded fabric or skin on the surface of a vessel (Gorodtsov, 1900; Bobrinskij, 1978; Dumpe, 2003). Also many kinds of stamps and fabrics (Gurina, 1961; Rozenfeldt, 1974; Halikov, 1962) or certain forms of textiles exist (Bader, 1950; Smirnov, 1974; Chernaj, 1981).

Different terms – “textile”, “net”, “spun-and-speckled” and “pseudo textile” – have been invented in order to describe different surface impressions on vessels. V.A. Gorodtsov (1900) separated both fabric type and scar-marked type («оспенно-рытые») impressions. B.A. Folomeev (1975) separated fabric, and net types, implying different variants, which can be included into the concept “сетчатая” or Net pottery. C.F. Meinander (1954b) assumed that in the NW part of the distribution area there was an early type which he called Tomitsa ceramics assuming that in Finland it was possible to separate Textile pottery, which was possibly linked with the culture in Central Russia. On the other hand he separated the Sarsa type which had connections with Estonian material (Meinander, 1954a). K.A. Smirnov (1974) considered “setchataya” and “textilnaya” ceramics to be different groups; the first mentioned type emerged in the Pit-Combed Ware culture and the second one amongst the Pozdnyakovo population. In his hypothesis it was possible to call both types “setchataya” ceramics. Still, one could argue that neither of these names nor the term “pseudo-textilnaya” reflects the characteristics of the type well enough (Patrushev, 1989, 1992a,b). In the Russian symposium when discussing the characteristics of the type the concept spun-and-speckled (“nitochno-rjabchataja”) ceramics was used. The kind of material

uncovered at ca. 240 dwelling sites implies more than 40000 pottery fragments (Patrushev, 1989, 1992a,b). The ceramics has been investigated carefully also in the NW area of Russia (Kosmenko, 1996a,b). Relatively recent analyses of this ceramics were made in Finland and on the Karelian Isthmus (Lavento, 2001) and Estonia (Kriiska, Lavento & Peets, 2005).

Appearance of Textile ceramics

Textile ceramics can be approached not only as a technological or an ornamentation issue but also as an ethnical problem. If one accepts the first-mentioned alternatives, one can take into consideration all ceramic types implying remains of net, textile or pseudo-textile impressions on the surface. This kind of material (see Lavento, 2001) can be found in different parts of the world (Siberia, Far East, North America etc.).

If one looks at the ceramics as a type which has a certain distribution area and chronology, one can consider it as a technological innovation in a large area – not only in Russia and the eastern part of Scandinavia. Finally, it may more or less reflect a culture belonging to the Finno-Ugric populations (Patrushev, 1989, 2000),

To use textile, net or other kinds of impressions as a marker for an ethnical group is evidently full of problems. When concentrating on the spread of this technology in the Northern Coniferous Zone in Russia and Scandinavia, one should not only concentrate on impressions, but take into account also all possible observations describing the shape and ornamentation of ceramics. In this case (Patrushev, 1992a) one can approach it as a new phenomenon in

the early phase of the Bronze Age. Further, using the ideas suggested by David Clarke (1968) this phenomenon can be assumed to represent a culture complex (5–30% attributes in common), a culture (implying 30–65% attributes in common) or a local variant (65–100% attributes in common). The statistical analysis of the attributes of ceramics found in the area refers to a culture. If accepting this definition – with other archaeological and linguistic evidence – one might suggest that it reflects an ethnical connection in this area during the Early Bronze Age. If looking at not only pottery, it seems natural that despite long distances contacts may have existed between peoples acquiring metal or exchanging other goods in this large area.

In this area there existed several local cultures, which still had contacts with each other. The existence of dwelling sites with Textile pottery in the Upper and Middle Volga such as the Lake Pleshevo in the Jaroslavl region represents a clear common material entity. Many differences can be seen, however, in the material from local areas. For instance, in the area representing the spread of Prikazanskaya ceramics there exist spun-and-speckled impressions, which are mixed with each other in different parts – upper and lower – of a vessel. This is also typical for the ceramics in the eastern part of the distribution area, in Tatarstan and Mari-El Republics, where Prikazanskaya ceramics can also be found. The “pearl» ornament, which is common in ceramics at the dwellings sites of Sosnovaja Griva, in the estuary of the River Kokshaga (Fig. 1), is an example of one local particular character in ornamentation.

Also some other particular characteristics, such as a long neck which can be

found in the spun-and-speckled ceramic type in Tatarstan and Mari-El, are local ones. In this area also shells are common in the temper. In Tatarstan, Mari-El and Chuvashia areas it is often difficult to discern spun-and-speckled ceramics from Prikazanskaya ceramics. In this region, in the Pozdnyakovo ceramics these characteristics in addition to “pearl” and pits which are impressed inside the vessel – are special features of ornamentation.

Despite all these special features there are many others which connect the local ceramic groups and thus also populations living in the large area from the River Kama to the Baltic Sea. Inside this large area there are several populations with Textile pottery: in the Upper and Middle Volga, in some parts of the Baltic countries, in Karelia and perhaps in Finland (Patrushev, 1992, 2000). Evidently they all have been in loose contact with each other and also with other groups, representing different cultures which did not use Textile pottery. This naturally caused the development in different areas to have their own local variations. It is also necessary to keep in mind the chronological sequence when looking in particular at the early phases of Textile pottery. In the Volga area the most important contacts were between the Akhmylovo, Poznyakovo and Gorodets cultures.

In the territories of Baltic countries and in Scandinavia contacts should be sought between the groups of the Late Neolithic Late Combed Ware, Corded Ware and the Abora type (Loze, 1979; Graudonis, 1967; Lougas, 1967; Meinander, 1954a,b; Moora, 1958; Tretyakov, 1980; Janits, 1959; Lavento, 2001; Vasks 1991). In the eastern part of the area it has most usually been assumed

that Textile ceramics represents immigration on a small scale (see the discussion in Lavento, 2001) although at least in the Baltic countries, Scandinavia and Finland other explanations seem more probable also (Jaanusson, 1985; Kriiska et al., 2005).

Origin of Textile ceramics in the Coniferous Zone of Russia, the Baltic countries and Finland

In Russia it is necessary to look for the roots of Textile pottery in the large area by the River Volga between the River Kama and the Ivanovo and Vladimir regions. According to D.A. Krajnov (1987) and S.A. Semenov (1955) the assumption of the spread of net-impressions is valid only in the NW part of this area and partly also in the Upper Volga region of Jaroslavl. D.A. Kajnov and O.S. Gadzyatskaya (1987) suggested that the later phase of Fatyanovo ceramics imply common elements with Textile pottery. There is also some evidence that Corded Ware may have influenced the development of Textile ceramics. In the Baltic countries Ja. Graudonis (1967) suggested that the anthropological evidence refers to the influence of the Battle Axe culture in the development of the type (Denisov, 1973).

Some scholars have seen the origin of Textile ceramics in Pit-Combed Ware (Bryusov, 1950; Gavrilova, 1968; Gurina, 1963; Foss, 1947). There were also archaeologists who think that a break took place between Pit-Combed Ware and Textile pottery and that the origin of Textile pottery should most likely be sought in the Baltic countries (Tretyakov, 1966; Semenov, 1982). I.A. Loze (1979) considers the influence of Abora ceramics, which belongs to the

Late Pit-Combed Ware in Latvia, as the most probable source for the formation of Textile pottery. On the other hand A.V. Vask (1991) assumes that the many differences between these types do not refer to a genetic connection.

I.V. Gavrilova (1968), who considers Pit-Combed Ware as the main component of Textile pottery, finds it possible that its origin should be sought in different variants of the Fatyanovo and the Pozdnyakovo cultures. O.N. Bader, N.N. Gurina and P. N. Tretyakov have similar views. They agree that this ceramic type developed in the area between the River Kama and Finland and that it shows a kind of cultural and ethnical integration of Finno-ugric groups in the Upper Volga and in the Baltic countries (Tretyakov, 1966). The development of the cultural connection may have had its beginning as a result of contacts between the people using either Pit-Combed or Fatyanovo ceramics (Bryusov, 1950; Gavrilova, 1968; Krajnov, 1987; Patrushev, 1989, 2000).

S.V. Oshybkina (1987) thinks that this kind of ceramics emerged first in the eastern side of Lake Onega. The main argument in her opinion is the genetic connection of Textile pottery and the material found in the Late Neolithic sites in Karelia. M.G. Kosmenko (1996a,b) thinks that the origin of Textile pottery lies in the Fatyanovo, Pit-Combed and Pozdnyakovo ceramics. The authors of this article consider the question of origin to be extremely complicated. It is also worth keeping in mind that pit and combed ornamentation which was used in Pit-Combed Ware is visible in Textile pottery although it was used in a smaller and denser manner. Also tempers are partly different as well as the shape of

the vessels and textile impression is a new element on the surface.

We assume here tentatively that the origin of Textile pottery in the Northern Coniferous Zone in Russia should not be seen only as a spread of one influence which emerged from one place in Central Russia and radiated from there as a wave into the Baltic countries and some parts of Fennoscandia. There are several elements in ornamentation – pits, curved impressions, scratches, chaotic cord impressions or corded impressions made with a stick implying a cord – which were known already in earlier ceramic types in many cultures in this area. There is also net pottery with a regular form – bowl-shaped vessels with horizontal and vertical scratches. Also comb stamps, wedge-formed impressions, curved and oval impressions and smoothed pits coming close to those used in the developed phase of the Late Neolithic cultures.

Periods and chronology of Textile pottery in the Upper and Middle Volga area

Particularly in the Upper and Middle Volga area the development of Textile ceramics can most probably be connected with the Late Prikazanskaya and the Pozdnyakovo cultures, in the area of the Pozdnyakovo culture dwelling site complexes can be found which have usually been dated between the XV–XIV centuries BC (Popova, 1985). A.L. Nikitin (1963) dated the appearance of Textile pottery in the area to the second half of the II millennium BC. O.N. Bader and T.B. Popova (1987) assumed that the burials with Textile pottery date to the second phase of the Pozdnyakovo culture, according to them ca. XIV–XIII centuries BC. In the Jaroslavl re-

gion the dwelling site of Pleshevo III, where the material contains as much as 90% Textile pottery, has its use dated to between the IX and the VII centuries BC (Folomeev 1975). Important additional information to the chronology has been obtained in the region of the River Oka, where Textile ceramics is suggested to date to the II–I millennia BC. On the lower part of the Middle Volga, at the dwelling site of Shasha III, the material implies ca. 40% Textile ceramics (the rest being Pozdnyakovo ceramics), was dated to the XI–IX centuries BC (Folomeev, 1993). There a process seems to have taken place in the latter part of the 11 century BC when Pozdnyakovo ceramics were assimilated by Textile pottery.

The radiocarbon chronology for the Textile pottery at the dwelling sites is a problem which needs further analysis. In fact, the chronology implies a lot of problems in the entire Northern Coniferous Zone. Following the emergence and development of the ceramic type and its possible spread is a difficult task not only because it is mixed with other ceramic types at dwellings sites, but also because its separation from other types – on the basis of textile impressions, or impressions which come close to it – cannot be done unambiguously. There are still some ^{14}C -datings available in the contexts of Textile pottery in many areas (Folomeev 1993; Lavento 2001; Kriiska et al. 2005). In Russia radiocarbon dates were made for 40 samples, which can be more or less connected with Textile pottery. 38 of them were made at the Institutes of Geology, Moscow and two at the Radiocarbon of the IIMK (LOIA), Saint-Petersburg (Leningrad). The dating table of L.D. Sulerzhitsky and B.A. Folomeev (1993a, table 2) shows that

the earliest dates by the River Oka were obtained by Lake Meshchera (Shagara 5, Tyukov gorodok, Deevskoe gorodistse) implying 16 dates, the valley of the River Oka (Grishinskiy Istok. 3, Bereshoviy rog, Gorodetskoe gorodistse) 14 dates, on the right side of the River Oka – the River Pronya (Shishkinskoe gorodistse) 4 dates. These dwelling sites were excavated by B.A. Folomeev in 1985–1990.

The radiocarbon chronology based on context dates for the Textile ceramics at the burial sites in the Middle Volga suggest that the earliest pottery appeared as early as ca. XVIII century BC. Textile pottery at the Fefyolov bor site complex dates to XV–XIII centuries BC. In the before-mentioned cases sites have characters in their ceramics which represent their belonging to the early phase of Textile pottery. All in their chronology refers to the beginning of the first half of the II millennium BC. The period between the second half of the II millennium BC and the third quarter of the I millennia BC represents the development period of the type (Sulerzhinsky & Folomeev, 1993).

Tentative AMS-chronology of the Textile pottery in the Middle Volga area

The normal way to use the ^{14}C -method is to date the context where archaeological objects – for instance fragments of ceramics – are found. This approach accepts the prerequisite that the fragment and its context are synchronous. However, it is a common problem that post-depositional processes influence the deposition of layers under examination, in other words, it is not necessarily the case that, for instance, the ceramic fragment and its interpreted context are synchronous. In addition, ^{14}C -chronology

has to be calibrated before it is comparable with calendars based on solar years. It is normal that in both cases dates will be earlier than those obtained by using ^{14}C -chronology only.

The ^{14}C -method can be, however, applied for dating the material itself with the help of Accelerating Mass Spectrometry (AMS). The benefit of the method is that because only a very small sample (20–50 mg charcoal) is enough for dating, it makes ceramic fragments suitable for developing the chronology more accurate than before. It is possible to get material for analysis because some fragments have soot or charcoal slag on their surfaces. Because it is usually possible to put ceramics into typological classes, the typology itself can be improved by using the AMS-method.

In the following table (Table 1) a tentative, calibrated chronology for 12 ceramic fragments found principally in the Middle Volga region; particularly at the dwelling sites in Mari-El Republic is presented. All ceramic sherds used for analysis represent Textile pottery and they were obtained at the archaeological museum of the Mari State University (Joshkar-Ola). In addition to checking the chronology of the Textile ceramics in the Middle Volga region there is also an additional purpose for this research: the second aim is to compare this tentative chronology also with those AMS-chronologies for the Textile pottery made in Finland (Lavento, 2001) and Estonia (Kriiska et al., 2005).

All AMS-datings were made at the Dating Laboratory at the University of Helsinki, Finland, led by Professor Hogne Jungner. The results were calibrated by the OxCal 5.1. calibration program and calibrated results were given as 2σ -probability. This means that the

probability for the dating falls within the given calibration interval of 95.4 %. Only the earliest and the youngest limits of the calibration results are given.

The earliest datings for the Textile pottery in the Upper and Middle Volga area were obtained from the sherds found at the dwelling sites of the Narmus (Vladimir region), the Kokshaisk 4 and Baza Otdyha 2 settlements (Mari-El Republic) (Fig. 2). Dates representing the youngest end of the range come from the hill-forts in Kostroma Region and Mari-El Republic, which fits well with the preliminary assumptions. Comparing the typological/conventional ¹⁴C-chronology with the AMS-datings did not provide unexpected results either. Some interesting details can still be seen. It turned out that those fragments which typologically represent the early phase of Textile pottery proved to be even earlier than assumed. Again those fragments from the hill-forts which were assumed to be later seem to be younger, too. In other words, AMS-chronology together with calibration seems to prolong the chronological range of the Textile pottery in the area under examination. Those samples which belong to the middle of the typological dating range - which was completed and improved by conventional ¹⁴C-datings – fit very well within their assumed age span. Because the number of AMS-datings is relatively small, one should refrain from drawing too far-going interpretations on the basis of these results. Perhaps one should still be able to see that the appearance of Textile ceramics began already in the 19 century cal BC. It is even more difficult to comment on the youngest AMS-datings. This is because on typological grounds the “end” of the type is even more difficult to determine than its be-

ginning. The Textile type developed and changed and finally it merged with the Dyakovo ceramics.

This chronology becomes even more interesting if it is compared with the AMS-chronologies constructed for Finnish and Estonian material. It has been suggested (see discussion in Lavento, 2001) that the Textile ceramics in eastern Finland represents the wave of a new tradition from the east, perhaps even from the Upper Volga region. The earliest datings obtained for the Textile ceramics in Finland (Lavento, 2001, fig. 6.11) are almost synchronous with those presented in Table 1. In the light of this information it is possible to propose a hypothesis that the spread of early Textile pottery – if assuming that one of the spreading centres was in the Upper Volga area – was a very quick process. From the Finnish point of view it seems evident that the beginning of the Bronze Age was a very conspicuous phenomenon which did not only include a change of ceramic type but it also implied other changes in the material culture belonging to the Seima (-Turbino) phenomenon. The phenomenon brought the earliest bronze axes into Finland together with the evident change in the structure of dwelling sites. The large sites with dwelling depressions were replaced by essentially smaller sites without observable dwelling structures. This has been interpreted as a change also in the social structures of populations (Lavento 2001),

The AMS-chronology of the Estonian Textile ceramics is also of particular interest when comparing the results with those obtained in the Middle and Upper Volga area. The earliest dates come from the multi-period dwelling sites of Loona, Akali and Kullamagi. It is necessary to remember that already L. Jaanits (1959)

considered the early Textile pottery at the Akaii and the Kullamagi sites very early was in relation to the Textile pottery in the Upper and Middle Volga area. The new AMS-datings not only confirm his hypothesis but also move their chronology almost 1000 years earlier than he thought (Kriiska et al., 2005). The most probable explanation for this is to assume that the early Textile pottery in Estonia belongs to a different tradition than the one found in the Upper and Middle Volga area. This possibility has been discussed since the 1930's (Äyräpää, 1933; Meinander, 1954b; Carpelan, 1999; Lavento, 2001). The interesting question of the possible influence of this tradition on that which developed in the Upper and Middle Volga must be left open in this article. Here it is enough to state that a tradition seems to emerge also in the Volga region and that in the light of the information available the appearance of it seems to be clearly later than the one in the Baltic countries.

Conclusions

The article at hand has concentrated on trying to investigate whether the present-day chronologies used for the Textile pottery in the Upper and Middle Volga area correspond with the chronology suggested on the basis of the AMS-data of the ceramics. In general the contemporary chronology fits well with the new dating evidence. Analysis of the details still uncovers some interesting observations. It seen that AMS-dating enlarges the age span by some centuries. The earliest Textile pottery may have appeared in the Upper and Middle Volga region in the 19th century cal BC, which is a bit earlier than had been assumed before. These results fit well with those obtained from the Textile pottery in eastern and

northern Finland. The appearance of the ceramics is an almost synchronous phenomenon in these two areas, but the AMS-dating evidently show that the chronology for the early tradition of the Textile pottery in the Baltic countries does not fit with the one developed for the Volga region. If we want to assume that the Textile pottery spread into Finland from the Volga region it seems, in the light of the AMS-dating at hand, that this process was very quick. Still, one should be careful with the small data obtained so far. The results should be considered tentative or preliminary and much more data is needed before the question can be discussed on more solid grounds.

In the light of the results presented in this article AMS-dating seems to be a tool worth using for refining the ceramic chronology of the Textile pottery also in the Volga region. Therefore we hope that it would be possible to continue the dating program and not only for the fragments of Textile pottery but also for other pottery types. This might enable comparing them with each other - and then to make more reliable hypotheses concerning the cultural connections between different traditions and populations in the large Northern Coniferous Zone.

Table 1.

Preliminary AMS-chronology of the textile ceramics from the Upper and Middle Volga region

Dwelling sites	Hela	AMS	AMS ±	2σ cal BC	typology
Narmus settlement	934	3450	3450 ± 50	1885 – 1667	XIV–XIII cent. BC
Kokshaysk 4 settlement	933	3315	3315 ± 50	1737 – 1494	XII–XI cent. BC
Baza Otdykha 2 settlement	937	3310	3310 ± 60	1739 – 1454	XIII–XII cent. BC
Kokshaysk 4 settlement	935	3030	3030 ± 50	1411 – 1129	XII–XI cent. BC
Baza Otdykha 2 settlement	940	3005	3005 ± 55	1407 – 1056	XIII–XII cent. BC.
Baza Otdykha 2 settlement	936	2995	2995 ± 45	1390 – 1058	XIII–XII cent. BC
Malakhay hill-fort and settlement	983	2910	2910 ± 35	1257 – 1003	VII–VI cent. BC
Kozmodemyansk settlement	939	2890	2890 ± 35	1210 – 942	IX–VIII cent. BC
Akhmylovo settlement	932	2880	2880 ± 45	1211 – 925	XI–IX cent. BC
Minskoe hill-fort	982	2775	2775 ± 35	1005 – 836	VII–V cent. BC
Ardinskoye hill-fort	938	2705	2705 ± 40	924 – 801	VII–VI cent. BC
Sosnovaja Griva 2 settlement	941	2535	2535 ± 45	802 – 519	XII–X cent. BC

REFERENCES:

1. Arziutov, N. K. 1926. In *Trudy Nizhnevolzhskogo nauchnogo obshchestva kraevedeniia (Proceedings of the Lower Volga Scientific Society of Local History)* 35 (1). Saratov, 79–84 (in Russian).
2. Bader, O. N. 1950. *Arkheologicheskie pamiatniki Prikam'ia i ikh nauchnoe vyivlenie (Archaeological Monuments of the Cis-Kama Region and Their Scientific Identification)*. Molotov: "Oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
3. Bader, O. N., Popova, T. B. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: *Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR)* 8. Moscow: "Nauka" Publ., 131–136 (in Russian).

4. Bobrinskii, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (Pottery-making of Eastern Europe. Sources and Methods of Study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Briusov, A. Ya. 1950. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XIV. Moscow, 287–305 (in Russian).
6. Vasks, A. V. 1991. *Keramika epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza Latvii (Ceramics of the Late Bronze Age and Early Iron Age of Latvia)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).
7. Gavrilova, I. V. 1968. *Drevneishee proshloe Kostromskogo Povolzh'ia (po danym arkheologii) (The Earliest History of the Volga Region near Kostroma (According to Archaeological Data))*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
8. Gorodtsov, V. A. 1900. In *Drevnosti (Antiquities)* XVII. Moscow, 26 (in Russian).
9. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Drevnosti (Antiquities)* XXIV. Moscow, 6–169 (in Russian).
10. Graudonis, J. J. 1967. *Latviia v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleza (Latvia During the Late Bronze Age and Early Iron Age)*. Riga (in Russian).
11. Gurina, N. N. 1961. *Drevniaia istoriia Severo-Zapada Evropeiskoi chasti SSSR (Ancient History of the North-West of the European Part of the USSR)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 87. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Gurina, N. N. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 110. Moscow: "Nauka" Publ., 85–204 (in Russian).
13. Denisov, V. P. 1968. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Perm State University)* 191. Perm, 48–71 (in Russian).
14. Kosmenko, M. G. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 185–215 (in Russian).
15. Kosmenko, M. G. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 253–257 (in Russian).
16. Krainov, D. A. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 10–28 (in Russian).
17. Krainov, D. A. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 58–76 (in Russian).
18. Loze, I. A. 1979. *Pozdnii neolit i ranniaia bronza Lubanskoi ravniny (The Late Neolithic and the Late Bronze Age of the Lubanas Plain)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

19. Nikitin, A. L. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 110. Moscow: "Nauka" Publ., 204–226 (in Russian).

20. Oshibkina, S. V. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 147–156 (in Russian).

21. Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov (At the Origins of the Volga Finns)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

22. Patrushev, V. C. 1990. *Lesnoe Povolzh'e na rubezhe epokhi bronzy i rannego zheleza (X–VI vv. do n.e.) (Forest Zone of the Volga Region at the Turn of the Bronze Age and the Early Iron Age (10th — 6th Centuries BC))*. Doct. Diss. Thesis. Leningrad (in Russian).

23. Patrushev, V. S. 1992. *Finno-ugry Rossii (The Finno-Ugric Peoples of Russia)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

24. Popova, T. B. 1985. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 60. Moscow, 133–187 (in Russian).

25. Rozenfel'dt, I. G. 1974. In *D'iakovskaia kul'tura (The Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 90–197 (in Russian).

26. Semenov, V. A. 1982. In *Problemy etnogeneticheskikh issledovaniĭ Evropeiskogo Severo-Vostoka (Some Issues of Ethnogenetic Research of the European North-East)*. Perm: Perm University, 32–40 (in Russian).

27. Semenov, S. A. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* LVII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 137–144 (in Russian).

28. Smirnov, K. A. 1974. In *D'iakovskaia kul'tura (The Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 77–78 (in Russian).

29. Sulerzhitskii, L. D., Folomeev, B. A. 1993. In *Drevnie pamiatniki Okskogo basseina (Ancient Sites of the Oka River Basin)*. Ryazan: Science and Production Center

for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 42–55 (in Russian).

30. Tret'iakov, P. N. 1966. *Finno-ugry, balty i slaviane na Dnepre i Volge (Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga Rivers)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

31. Tret'iakov, V. P. 1980. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences)* 161. Moscow: "Nauka" Publ., 62–67 (in Russian).

32. Trubnikova, N. V. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* XLVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 125–129 (in Russian).

33. Folomeev, B. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 154–170 (in Russian).
34. Folomeev, B. A. 1993. In *Arkheologicheskie pamiatniki rannego zheleznogo veka Oksko-Donского mezhdurech'ia (Archaeological Sites of the Early Iron Age of the Oka-Don Interfluves Area)*. Ryazan, 3–21 (in Russian).
35. Foss, M. E. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences)* XVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 61–69 (in Russian).
36. Khalikov, A. Kh. 1962. In *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 7–187 (in Russian).
37. Chernaia, I. L. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 70–86 (in Russian).
38. Janits, L. O. 1959. *Poseleniia epokhi neolita i rannego metalla v ust'e r. Emajõgi (The Neolithic and the Early Iron Age Settlements in the Emajõgi River Mouth)*. Tallinn (in Russian).
39. Äyräpää, A. 1933. Über die Streitaxtkulturen in Rußland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua* VIII. Helsinki, 1–159.
40. Carpelan, C. 1999. Käänekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100-1000 eKr. In: Fogelberg P. (toim.). *Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan*. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. Helsinki: Finska Vetenskaps-Societeten 153, 249–280.
41. Clarke, D. L. 1968. *Analytical Archaeology*. London: Methuen & amp.
42. Dumpe, B. 2003. Jauni atzinumi par neolita klājosās auklas keramiku. In: *Arheologija un etnografija* XXL. Riga, 110–117.
43. Jaanusson, H. 1985. Main Early Bronze Age pottery provinces in the northern Baltic region. In: *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia* I, 39–50.
44. Kosmenko, M. 1996. The Culture of Bronze Age Net Ware in Karelia. In: *Fennoscandia Arhaeologica* XIII, 51–67.
45. Lavento, M. 2001. *Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: nine variations and fugue on a theme of C.F. Meinander*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 109. Helsinki.
46. Lõugas, V. 1967. Asva linnuse dateerimisest. In: *Eesti NSV Teaduste Akademia toimetised. Uhiskonnateadused = Ivestiia Akademii nauk Estonskoi SSR. Seriya Obshchestvennykh nauk (Reports of the Academy of Sciences of Estonian SSR. Social Sciences Series)* 1. Tallinn, 81–93.
47. Kriiska, A., Lavento, M., Peets, J. 2005. New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation. In: *Estonian Journal of Archaeology*, vol. 9, no. 1, 3–31.

48. Meinander, S. F. 1954. *Die Kiukaiskultur*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 53. Helsinki.

49. Meinander, C. F. 1954. *Die Bronzezeit Finnlands*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 54. Helsinki.

50. Moora, H. 1958. Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 59 (3). Helsinki, 3–39.

51. Patrushev, V. S. 1992. Textile-impressed pottery in Russia. In: *Fennoscandia Archaeologica* IX, 43–56.

52. Patrushev, V. 2000. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. In: *Studia archaeologica Fenno-Ugrica* I. Oulu, 77–88, 100–111, Table 3.

About the Authors:

Laventa Mika T. PhD (Philosophy), Professor. University of Helsinki. Yliopistonkatu 4, 00100 Helsinki, Finland; mika.lavento@helsinki.fi

Patrushev Valery S. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; valpatr92@gmail.com